

Линь Цинъянь никогда не забудет последние месяцы своей прошлой жизни, когда его ложно обвиняла Ань Нань, очерняла в сети, и даже любимый человек не понимал его. Его семья, помимо того что хотела денег, игнорировала его.

Он мог лишь прятаться в маленькой, никому не известной съемной квартире, терпеть муки болезни, медленно терять зрение, слух... тот период был похож на жизнь в бездне, которая никогда не увидит света.

В то время Линь Цинъянь думал, что лучшим выходом будет смерть, но когда этот человек нашел его, молча заботился о нем и сопровождал его, он вдруг перестал желать смерти. Он хотел прожить еще несколько дней.

Этот человек зажег свет в его темной жизни, но свет этот пришел слишком поздно. Его тело было похоже на догорающую свечу, не способную больше поддерживать себя.

Перед смертью он несколько раз погладил его по лицу, чувствуя, как жгучие слезы падают на его руку.

Он подумал, что если бы была следующая жизнь, если бы он мог встретить этого человека раньше... Этот человек был похож на конфеты из боярышника, которые он любил есть в детстве, принося нотку сладости в его обычную и горькую жизнь.

Он просто не ожидал, что это несбыточное желание исполнится так быстро. Теперь этот человек лежал перед ним и был безоговорочно добр к нему, как и в прошлой жизни.

«Это ты, Гу Фэй...?» Кончики пальцев Линь Цинъяна неудержимо дрожали, по лицу текли слезы. Он тихо прошептал: «Это должен быть ты».

В этот момент мужчина слегка нахмурился и потянулся, чтобы взять руку юноши, лежащую на его лице. Он открыл все еще затуманенные глаза и с тревогой посмотрел на залитое слезами лицо. «Почему ты плачешь?»

В его низком, магнетическом голосе слышалась ленивая хрипотца опьянения, но в то же время в нем сквозили беспокойство и тревога.

Линь Цинъянь не знал, проснулся Гу Фэй или нет. Он вытер слезы и покачал головой. «Ничего... это был просто гром, я немного испугался».

Как по команде, снаружи раздался громкий раскат грома. Линь Цинъянь искренне испугался.

Стройные плечи юноши дрожали, покрасневшие глаза и мокрые щеки напоминали хрупкий цветок, который вот-вот унесет ураган, и он был совершенно жалок и беспомощен.

Голова Гу Фэя все еще была немного затуманена. Он приподнялся на локте, сильные руки обхватили тонкую талию Линь Цинъяна и притянули его к себе. Он прошептал: «Не бойся, я здесь».

При этом он нежно вытирал слезы на лице юноши. Мозолистые подушечки его пальцев касались гладкой и нежной кожи, вызывая покалывание на лице Линь Цинъяна, но в то же время наполняя его необычным чувством безопасности.

Линь Цинъянь даже не хотел покидать его объятий, но... Линь Цинъянь слегка покраснел. Рубашка Гу Фэя все еще была распахнута и свободно болталась на его теле, а его лицо было прижато к крепкой груди Гу Фэя, от прикосновения которой становилось тепло.

Он увидел то, что должен и не должен был видеть.

Воспользовавшись пьяным состоянием Гу Фэя, он украдкой бросил еще несколько взглядов. В конце концов, телосложение было действительно завидным.

Однако маленький вуайерист не заметил, что тот незаметно наблюдал за его действиями. В его остекленевших от алкоголя глазах мелькнула мимолетная улыбка.

Через некоторое время Линь Цинъянь отвел взгляд. Рука мужчины по-прежнему лежала на его лице, рука крепко обхватывала талию, подбородок лежал на голове. Теплое дыхание, несущее сильный аромат алкоголя, обволакивало его.

Линь Цинъянь наконец понял, насколько интимной и двусмысленной была эта поза. Он легонько толкнул Гу Фэя в грудь, и его уши стали пунцовыми. «Брат Фэй, я в порядке, кашляю... Хочешь похмельного супа?»

«Дворецкий Шэнь приготовил немного раньше. Если мы не выпьем его в ближайшее время, он остынет. Тебе действительно стоит выпить немного, иначе у тебя будет голова...»

Гу Фэй небрежно снял рубашку, и его идеальное телосложение - широкие плечи, узкая талия, легендарная «мужская модельная талия» - полностью обнажилось.

Линь Цинъянь тяжело сглотнул. «...Иначе завтра у тебя будет болеть голова».

Гу Фэй лег на кровать, притянув к себе Линь Цинъяня.

Линь Цинъянь: !!!

Они лежали лицом друг к другу, очень близко. Линь Цинъянь опустил на его руку. Гу Фэй закрыл глаза, его брови нахмурились от неприкрытой усталости, но рука по-прежнему крепко

обхватывала юношу за талию, обездвиживая его.

Линь Цинъяну стало невероятно жарко, воздух наполнился пьянящим ароматом алкоголя и феромонов. Контакт был обжигающим, и ему казалось, что он тоже пьянеет.

«Брат Фэй, ты спишь?»

Никакого ответа.

Линь Цинъянь снова заерзал, пытаясь оттолкнуть руку от своей талии, его тело беспокойно ерзало. «Господин Гу?»

«Господин Гу?»

«Гу Фэй?»

«Ммм...»

Его рот внезапно оказался закрыт. Большая мужская ладонь накрыла мягкие губы юноши, заглушая его слова, а горячее дыхание брызнуло на лицо, ускоряя сердцебиение.

Губы Гу Фэя прикоснулись к уху Линь Цинъяна, его низкий, ленивый голос был почти как шепот любовника:

«Перестань звать и не двигайся, Янь Янь».

«...» Линь Цинъянь почувствовал, что вот-вот взорвется.

Он не ожидал, что пьяный Гу Фэй окажется таким.

Только что подтвердив личность Гу Фэя, Линь Цинъянь чувствовал себя одновременно и тронутым, и боялся пошевелиться. Он смотрел на увеличившееся лицо красавца вблизи, его брови слегка нахмурились, как во сне, и он не мог удержаться, чтобы не разгладить морщинки между бровей.

Сегодня была годовщина смерти отца Гу Фэя, и Гу Фэй должен был чувствовать себя очень плохо. Линь Цинъянь почувствовал укол сочувствия, его сердце смягчилось, и он послушно, как ласковый котенок, прижался к мужчине.

Дождь на улице немного ослабел, но все еще моросил. В спальне было тихо, слышалось лишь их неглубокое дыхание.

Молодой человек в его руках был одет в свободную майку и шорты. Его конечности были длинными и стройными. Должно быть, он только что принял душ: от него исходил слабый аромат молочного средства для мытья тела. Это была сладость средства для мытья тела или сам юноша был слаще?

Сердце Гу Фэя постепенно успокоилось.

Он опустил голову, намеренно или нет, но теплые губы прикоснулись к коже лба юноши, вызвав дрожь. Линь Цинъянь закрыл глаза, его длинные густые ресницы слегка подрагивали, а на щеках появился пунцовый румянец.

Негромкий стук дождя за окном был похож на колыбельную, смешанную со стрекотанием летних насекомых. Кондиционер в комнате был настроен на комфортную температуру.

За день он потратил много сил, занимаясь пением и танцами, и теперь ему было так комфортно лежать. Линь Цинъянь почувствовал сонливость и, свернувшись калачиком в его объятиях, медленно заснул.

В этот момент мужчина, казавшийся спящим, открыл глаза. Он пристально смотрел на мирно спящего в его объятиях юношу, выражение его лица смягчилось, на тонких губах играла легкая улыбка, как у довольного льва.

Он натянул на них одеяло и выключил свет.

Миска похмельного супа на прикроватном столике так и осталась нетронутой до следующего дня.

Ночь прошла без единого слова.

Дождь прекратился, и небо прояснилось.

С рассветом Линь Цинъянь проснулся. Утренний свет приглушали шторы, и в спальню проникало лишь небольшое пятно света, освещавшее пляшущие в воздухе пылинки.

Открыв глаза, Линь Цинъянь оказался лицом к лицу с красивым лицом в нескольких сантиметрах от него. В тусклом свете оно обладало неясной красотой, заставляя его сердце учащенно биться. Он неосознанно затаил дыхание.

События прошлой ночи нахлынули на него, как прорвавшаяся плотина, и каждая сцена была ясна, как кино.

Чувства Линь Цинъяня были невероятно сложными. Он поморщился, словно у него болели

зубы, и медленно сел, осторожно приподняв одеяло и аккуратно убрав руку, перекинутую через талию.

Фух...

Он вздохнул с облегчением, быстро встал с кровати, надел ботинки и выскользнул из комнаты.

Оставалось надеяться, что господин Гу слишком пьян, чтобы помнить о прошлой ночи.

Линь Цинъянь вернулся в свою комнату по соседству, лег на кровать и уставился в потолок, его разум был необычайно ясен. Он пролежал так больше часа, а около восьми часов встал, чтобы умыться.

Гу Фэй уже должна быть в компании, верно?

Линь Цинъянь забыл, что в последние дни Гу Фэй забирал его по дороге на работу и отвозил в развлекательный центр И Хуа.

Поэтому, когда Линь Цинъянь увидел, что тот спокойно сидит за обеденным столом и смотрит в телефон, ему захотелось убежать. Но он только успел обернуться, как кто-то окликнул его.

«Куда ты идешь? Иди завтракать».

«Хорошо». Линь Цинъянь только скрипнул зубами, развернулся, как ни в чем не бывало, и сел напротив Гу Фэя. Он поднял свой стакан и выпил теплое молоко, втайне наблюдая за реакцией мужчины.

...Никакой реакции не последовало.

Тогда он не удержался и спросил: «Брат Фэй, ты помнишь прошлую ночь?»

«Хм?» Гу Фэй приподнял веки, бросил на него вопросительный взгляд и спокойно ответил: «Вчера вечером я выпил слишком много, после этого я мало что помню. Что случилось?»

«Ничего, ничего. Ты просто уснул после возвращения».

Линь Цинъянь только вздохнул с облегчением, когда мужчина снова заговорил, его тон был несколько озадаченным. «Но я проснулся с онемевшей правой рукой, как будто на нее всю ночь что-то давило».

«Кхе-кхе...» Линь Цинъянь чуть не подавился молоком, которое еще не успел проглотить.

Простите, это я надавил.

Гу Фэй достал салфетку и, естественно, вытер молоко с уголка губ Линь Цинъяна.

Посмотрев на покрасневшееся лицо юноши, которому было явно не по себе, он продолжил: «И еще мне приснился сон. Во сне я что-то держал в руках, пока спал».

Линь Цинъянь: «...»

Точно, он держал меня.

«Я видел прошлую ночь. Ты спал на боку, обняв одеяло, и, вероятно, тебе придавило руку. Не спи так в следующий раз», - торжественно объяснил Линь Цинъянь.

«Мм...» В уголках губ мужчины появилась едва заметная кривая.

<http://bllate.org/book/15391/1358083>